

УДК 811.512.1

ДРЕВО ДИВЕРГЕНЦИИ ЧУВАШСКИХ ДИАЛЕКТОВ**Желтов П.В.***ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
Чебоксары, e-mail: chnk@mail.ru*

В статье построено древо дивергенции чувашских диалектов. На основании проведенных исследований выявлено, что древнечувашский язык, т.е. группа среднебулгарских диалектов, на котором говорила социально обособленная группа болгар, называвшаяся чувашами, разделится еще в XII в. н.э. на два основных диалекта – о-диалект и ђ-диалект. От этих двух диалектов и происходят все чувашские диалекты: несохранившиеся южные говоры чувашского языка (Приказанье, Поволжье), верховой диалект чувашского языка, ђ-говор Средних Юмаш, который происходит напрямую от ђ-диалекта древнечувашского языка, у-диалект древнечувашского языка и происходящие от него средний и низовой диалекты чувашского языка, а также сундырские говоры чувашского языка, являющиеся результатом смешения о-диалекта древнечувашского языка с восточными и западными говорами у-диалекта древнечувашского языка при сильном влиянии верхового диалекта и определенном влиянии марийского субстрата, говорившего на горно-марийском наречии.

Ключевые слова: чувашский язык, диалекты, говоры чувашского языка, субстрат, происхождение**THE TREE OF DIVERGENCE OF CHUVASH DIALECTS****ZheltoV P.V.***I.N. Ulyanov's Chuvash State University, Cheboksary, e-mail: chnk@mail.ru*

In the paper was built the three of divergence of Chuvash dialects. On the basis of the made research became clear, that ancient Chuvash language, i.e. a group of middle-Bulgar dialects, spoken by a socially prominent group of Bulgars, called Chuvash, divided already in the XII century A.D. on two main dialects – o-dialect and ђ-dialect. From these two dialects originate all Chuvash dialects: not present now southern locals of Chuvash language (around Kazan, along Volga-river), upper dialect of Chuvash language, ђ-local of Middle Iumashes, which comes directly from the ђ-dialect of ancient Chuvash language, u-dialect of ancient Chuvash and originating from it middle and lowland dialects of Chuvash language, as well as the Sungyr locals of Chuvash language, which eastern and western locals of u-dialect of ancient Chuvash with a strong influence of the upper dialect and a certain influence of Mari substratum, which spoke the upper-Mari dialect.

Keywords: Chuvash language, dialects, sub-dialects (locals) of the Chuvash language, the substrate, the origin

В настоящее время в чувашеведении и тюркологии в целом не разработаны вопросы реконструкции собственно чувашского языка и истории его происхождения из болгарского. Это связано, с одной стороны, с неясностью фонетики болгарских эпиграфий, с другой стороны, с отсутствием хронологической шкалы образования и дивергенции диалектов чувашского языка.

В данной работе предпринята попытка построения древа дивергенции чувашских диалектов и шкалы их образования с учетом исследований, изложенных в [1, 2].

В результате проведенных исследований, изложенных в [1, 2], выяснилось, что чувашские диалекты – верховой с выделяющимися северо-западными говорами и средний (средненизовой) – являются прямым предложением не одного, а нескольких диалектов «древнечувашского языка» – группы среднебулгарских диалектов, на которых говорила социально обособившаяся группа болгар, называвшаяся чувашами (т.н. служилые болгары, занимавшиеся сбором налогов с подконтрольного финно-угорского населения – удмуртов, марийцев и отчасти мордвы, а также воинским делом – из них массово набирались представители гвардии, обеспечивавшие порядок как внутри собственно

болгарских территорий, так и лояльность подчиненных племен) и сформировавшаяся из чувашей – одной из болгарских народностей, составлявших болгарский народ.

По результатам проведенных исследований выяснилось, что территорией формирования древнечувашских диалектов была территория Заказанья и Приказанья.

При этом заказанские говоры древнечувашского языка можно разделить на восточные и западные. Носители западных контактировали в основном с луговыми марийцами, а носители восточных контактировали в основном с удмуртами.

В результате в восточных говорах произошли следующие изменения в фонетике: делябиализация ђ (перешел в *ǎ*), ѓ (перешел в *ǣ*), переход *o > ѓ > y* (ареальное явление, которое, видимо, затронуло и казанские говоры древнечувашского, а также собственно некоторые основные говоры болгарского).

Восточные говоры заказанского диалекта древнечувашского языка, таким образом, следует считать предшественниками части говоров среднего диалекта современного чувашского языка (тех говоров среднего диалекта, распространенного в Чебоксарском, Аликовском, Моргаушском, Вурнарском, Канашском, Цивильском, Янтиковском, Ур-

марском, Козловском и Марпосадском районах, в которых отсутствуют лабиализованные гласные).

Западные говоры заказанского диалекта, носители которых контактировали больше с луговыми марийцами, сохранили лабиализованные гласные (*õ* наряду с *ä*, *ö* наряду с *ë*), более того, способствовали внедрению губного сингармонизма в говоры лугового наречия марийского языка.

В них также не произошел переход *o > u*.

Восточные говоры заказанского диалекта имели как *o*-говоры, так и *õ*- и *u*-говоры. В чувашских диалектах *õ*-говор сохранился как реликт в селе Средние Юмаши Урмарского района Чувашии (средний диалект).

В этих говорах также, видимо, наблюдался переход общебулг. *õ* в чув. *u*, т.е. ослабление начального *õ*, о чем свидетельствуют обнаруженные нами в удмуртской лексике триплеты – удм. *бокро* (средн. диал.)/*букро* (южн. диал.)/*покро* (сев. диал.) ‘пуполь’ ~ чув. *покра* (верх. диал.)/*покро* (сев.-зап. говоры верх. диал.)/*пукра* (средн., низ. диал.), а также прогрессивное огубление (огубление конечных гласных) – конечное *o* в удм. *бокро/букро/покро* и конечное *õ* в чув. *покро* (сев.-зап.) вместо общечув. *a* в чув. *покра/пукра*, ср. также такое явление в говорах среднего диалекта современного чувашского языка (Козловский, Марпосадский, Урмарский, и отчасти Янтиковский районы): чув. *вәрмон* ‘лес’ ~ общечув. *вәрман* ~ общетюрк. *орман* ‘лес’ и т.п.

В местах контакта восточных говоров с западными заказанскими, приказанскими и основными болгарскими диалектами лабиализованные гласные (*õ, ö*), по-видимому, сохранились.

Средний диалект чувашского языка имеет как говоры с лабиализованными гласными, так и говоры без лабиализованных, поэтому в его образовании сыграли основополагающую роль как восточные заказанские говоры древнечувашского языка (от них происходят говоры с прогрессивным огублением, *õ*-говор села Сред. Юмаши), так и приказанские говоры древнечувашского языка и южные говоры заказанского диалекта (от них происходят лабиализованные говоры среднего диалекта).

Северо-западные говоры верхового диалекта чувашского языка являются также смещением одного из северных говоров восточного заказанского диалекта древнечувашского языка с говорами западного диалекта древнечувашского языка и с говорами приказанского диалекта древнечувашского языка. При этом произошло их наложение на местный марийский субстрат, говоривший на горно-марийском наречии.

Большой интерес представляет происхождение сундырских говоров чувашского языка, которые по их обособленному положению и с учетом проведенных нами исследований можно выделить отдельно диалект чувашского языка.

Согласно древу дивергенции чувашских диалектов, сундырские говоры чувашского языка являются не продолжением верхового диалекта чувашского языка, а параллельным диалектом, и оба являются продолжением *o*-диалекта древнечувашского языка, ареалом распространения которого было в XIV в. н. э. Заказанье и Приказанье.

Как видим из схемы на рисунке, сундырские говоры имеют смешанное происхождение, и их предком помимо *o*-диалекта древнечувашского являются говоры *u*-диалекта древнечувашского языка, о чем свидетельствует уканье некоторых сундырских говоров и ряд их фонетических особенностей, свойственных также говорам с прогрессивным оканьем среднего диалекта и удмуртским диалектам.

В то же время сундырские говоры чувашского языка сохранили ряд фонетических особенностей, не свойственных другим диалектам чувашского языка. Это наличие увулярного *ʃ[y]* на месте общечувашского *ʒ[g]*, т.е. озвонченного *k*, которое озвончивается в интервокальной позиции и между сонорным и гласным.

Причем это имеет два аллофона – в контексте гласных заднего ряда (*ʃ [y]*) и в контексте гласных переднего ряда (слегка палатализованное *ʃ*).

Эта черта берет свое начало от среднеболгарского языка и была свойственна также древнетюркскому языку.

В кыпчакских языках Поволжья она отсутствует – там в контексте гласных переднего ряда аллофоном *ʒ [y]* является *ʒ [g]*, а не *ʒ’*.

Она однако имеется у огузских языков – тур. *-ğ-* в контексте гласных переднего ряда, ср. тур. *değil* ‘не’ (отрицат. частица) лит. [deil’], диал. [değ’il’] ([değil’] / [deqil’]), но тат. *түгәл* [tügəl].

При этом сундырское чувашское *ʃ[y]* звучит часто более звонко, чем каз.-тат. *ʒ [y]*, и приближается к звонкому *ʋ [R]*.

В татарском и башкирском языках оппозиция *-ʒ/-ʒ-* является, по-видимому, общекыпчакским наследием, т.к. сходное явление имеется в казахском и каракалпакском языках.

При этом сундырское чувашское *ʃ[y]* звучит часто более звонко, чем каз.-тат. *ʒ [y]*, и приближается к звонкому *ʋ [R]*.

К реликтовым особенностям сундырских говоров относится, по-видимому, и сундырская аффриката *ɟ[dʒ]*, которая слабо палатализуется в контексте гласных

переднего ряда и соответствует общечувашской аффрикате ζ [$d'z$] (низовой аффрикате ζ [$d'z$]) и в некоторых изоглоссах может встречаться и в анлауте.

Вообще сундырские говоры имеют склонность к анлаутной звонкости – $b[b]$, $\mathfrak{b}[y]$, $\mu[dz]$ встречаются в некоторых изоглоссах на месте общечув. $p[p]$, $k[k]$, $\acute{c}[t'f]$ ($\acute{c}'[t'f']$, $\acute{c}[t's]$) как в связке, так и в изолированно произнесенных словах. Эти изоглоссы зафиксированы в словаре Н.И. Ашмарина, однако их единичность даже в то время (кон. IX – нач. XX вв.) говорит о том, что они были утеряны в анлауте изолированно произнесенных слов под влиянием верхового диалекта чувашского языка.

Анлаутное k этих говоров на месте общечув. x может свидетельствовать как об удмуртском (в древнечувашскую эпоху – XII–XIV вв.), так и о позднем марийском (горномарийский субстрат) влиянии.

Эти говоры сохранили однако анлаутное общечув. x , несмотря на то, что этот звук в финно-угорских языках Поволжья отсутствует (в марийском чув. x - переходит в k - или опускается, в удмуртском чув. x - переходит в k -).

Сохранение $\ddot{o}[\ddot{o}]$ на месте общечув. $|\ddot{u}|$ является также реликтом и оно дошло до наших дней благодаря горно-марийскому субстрату (в горно-марийском наречии есть как \ddot{y} , так и \ddot{o}).

Сохранение в некоторых сундырских говорах в отдельных изоглоссах глухих согласных в интервальной позиции скорее всего является субстратным (горно-марийским) явлением, однако оно, вероятно, было свойственно и среднебулгарским диалектам, однако уже в золотоордынское время произошел переход $-c-$ (интервокальных глухих согласных) либо в $-cc-$, либо в $-ç-$ (озвончение).

Это хорошо фиксируется в чувашских заимствованиях в удмуртском и марийском языках. Так, чувашское $a\acute{c}a$ [aga] ‘сев’ фиксируется в марийском как $a\acute{g}a$ (фонетически близкое к современному чув. звучанию), а в удмуртском как $a\acute{k}a$ [aka] (в составе $akaj\acute{s}ka$ ‘пир по случаю сева’ < чув. $a\acute{c}a$ яшки ‘суп (по случаю) сева’), а также в составе топонима Ага-Базар в Татарстане, который относится, скорее всего, также к золотоордынскому периоду (булг.-чув. $A\acute{g}a$ Базар, $A\acute{c}a$ Пасар). Ср. также удм. юж. $ta\acute{k}a$ [$taka$] ‘баран’ и удм. сев. $ta\acute{g}a$ [$taga$] ‘баран’ (< чув. $ta\acute{c}a$ [$taga$]).

Северо-западные чувашаи переселились на территорию Чувашии до прихода предков казанских татар (войска Улуг-Мухамеда), т.к. их вожди (например, $A\acute{c}n\acute{p}\acute{a}\acute{s}$ ~ горно-мар. $A\acute{c}n\acute{p}\acute{a}\acute{s}$) ходили к Ивану Грозному бить челом на казанского хана. Более

того, в их языке, как и в языке козловских и урмарских чуваш (некоторые говоры, например п. Тюрлема), сохранилось одно характерное слово $ur\acute{t}a$ [$urda$], $or\acute{t}a$ [$orda$] ‘невемhkжда’, ‘нахал’ (т.е. ордынец, «татаро-монгол»), отсутствующее в лексиконе других чувашей в этом значении (имеется, однако, у чувашей Татарстана, например, в селе Кошки-Новотимбаево – чув. Кәнна-Кушкă) [Ашмарин III: 1929: 289].

Это свидетельствует в пользу того, что они были в золотоордынскую эпоху на территории Волжской Булгарии.

А верховые чувашаи, которые этого слова не знают, начали переселяться на территорию современной Чувашии, вероятно, еще задолго до татаро-монгольского нашествия, после которого их миграция в труднодоступные для конных отрядов ордынцев лесные районы Чувашии только усилилась.

Об этом свидетельствуют топонимы: овраг Малим-Хозя, урочище Валим-Хузя, овраг Валуем-Хузя и ряд других сходных по названию топонимов в полосе Цивиля.

Очевидно, что эти топонимы получили свое название по культовому месту Валием Хуца, которое и сейчас является местом поклонения чувашей и находится у села Билярска (Алексеевский района Татарстана), там, где раньше был расположен болгарский город Биляр (чув. Плер).

По чувашским преданиям, раньше там была чувашская улица (Чăваш касси).

Таким образом, топоним Валием Хуца на территорию Чувашии занесли чувашаи и болгары – выходцы из города Биляра, бежавшие сюда после его разрушения (предположительно в 1236 г., однако не исключено, что окончательно эти места опустели после похода на Волжскую Булгарию Тамерлана).

Известно, что в составе башкирских племен бурзян, юрмат, кыпсак и табын ведущую роль играло и играет крупное племенное подразделение $sy\acute{w}a\acute{s}h$ [Каховский, 1982], [Кузеев, 1974], [ЧЭ I, 2006: 193].

Так как в башкирском на месте общетюрк. $ç$ -[ç], чув. $ç$ -[ç'] и тат. $ç$ -[ç'] имеем s -, и чуваш по-башкирски будет $sy\acute{w}a\acute{s}h$, то это племенное подразделение имело чувашское происхождение. Очевидно, что оно влилось в состав башкирских племен достаточно давно, задолго до волны чувашских переселенцев XVIII в.

Это могло произойти скорее всего до золотоордынского периода, т.е. в XII в. н.э.

Марийское название чувашей $сувас$, $суас$, $суасла$ $мары$ также скорее отражает кыпчакскую передачу, причем не башкирскую, а скорее казахскую или каракалпакскую (в этих языках в аслауте общетюрк. sh [š] соответствует с [s], ср. тюрк. $ba\acute{s}$ ‘голова’ ~ каз.,

карак. *bas* [bas] ‘голова’, тюрк. *taş* ‘камень’ ~ каз., карак. *tas* [tas] ‘камень’ и т.п.).

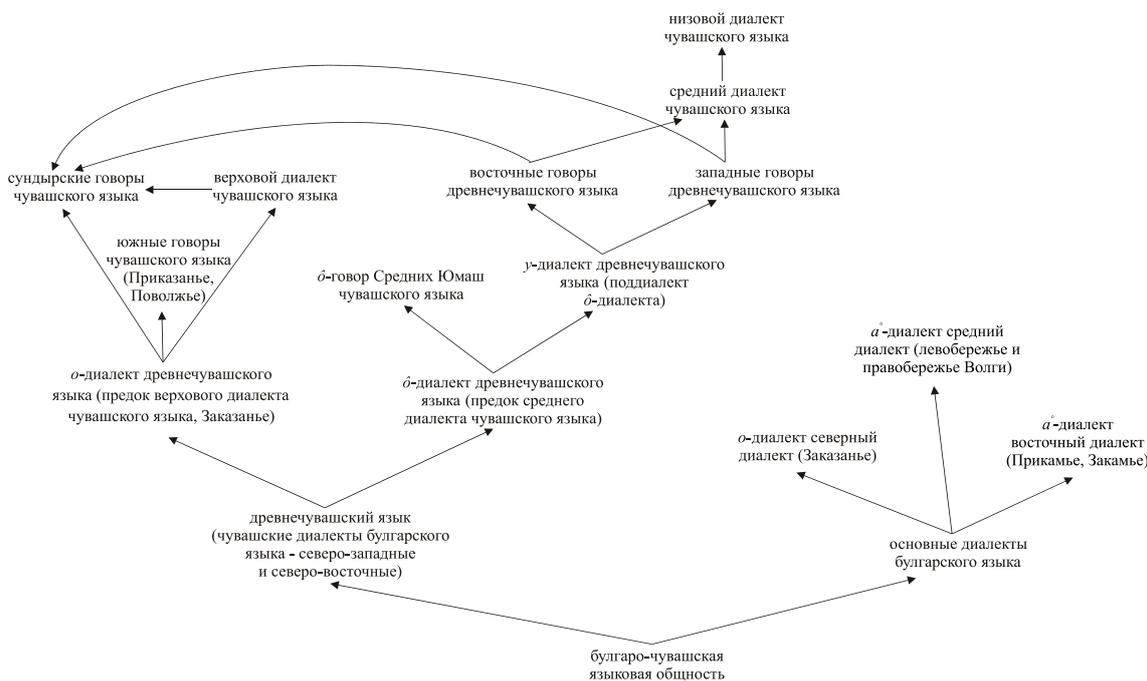
Наличие в казахском и каракалпакском языках дифтонгизации широких губных гласных, по мнению Н. Баскакова, свидетельствует о влиянии на эти языки болгарского (ср. чув. *воннӑ* / *вуннӑ* ‘десять’ ~ каз., карак. *ʰon*, *ʰop* ‘десять’ ~ тюрк. *on* ‘десять’).

Вероятнее всего, часть предков казахов и каракалпаков была отнесена булгарами в Среднее Поволжье, где постепенно ассимилировалась марийцами и булгарами. Именно от них марийцы и восприняли этноним чуваш в форме су-

вас, суас. Часть каракалпаков, перешедших Волгу, ушла в Южно-русские степи и стала известна русским под именем черных клобуков (X–XI в., т.е. задолго до половцев).

Таким образом, тюркские заимствования в марийском, удмуртском и коми-пермских языках, имеющие не татарский и не чувашский фонетический облик, следует относить к заимствованиям из языка каракалпаков или казахского.

Древо дивергенции чувашских диалектов можно представить деревом, приведенным на рисунке.

Древо дивергенции чувашских диалектов

Исследование выполнено в рамках соглашения №14.В37.21.0712 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Список литературы

1. Желтов П.В. Вопросы реконструкции древнечувашской и среднебулгарской фонетики: критический обзор // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: www.science-education.ru/106-7440.
2. Желтов П.В. Древнебулгарская субстратная лексика в тюркских языках // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 7. – URL: www.science-education.ru/107-8103.
3. Желтов П.В. К этимологии тюркских указательных местоимений *bu* и *bul* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’ // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2; – URL: www.science-education.ru/108-8473.
4. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.
5. Каховский В.Ф. О чувашско-башкирских этнокультурных связях // Вопросы этнической истории Южного Урала. – 1982.

References

1. Zheltov P.V. Voprosy rekonstrukcii drevnechuvashskoj i srednebulgarskoj fonetiki: kriticheskiy obzor. *Sovremennye*

problemy nauki i obrazovaniya. 2012. no. 6. URL: www.science-education.ru/106-7440.

2. Zheltov P.V. Drevnebulgarskaja substratnaja leksika v tjurkskih jazykah. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. no. 7. URL: www.science-education.ru/107-8103.

3. Zheltov P.V. K jetimologii tjurkskih ukazatel'nyh mestoimenij bu i bul 'jetot', 'jeta', 'jeto'. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. no. 2. URL: www.science-education.ru/108-8473.

4. Kuzeev R.G. *Proishozhdenie bashkirskogo naroda*. M. 1974.

5. Kahovskij V.F. O chuvashsko-bashkirskih jetnokul'turnyh svjazjah/ *Voprosy jetnicheskoi istorii Juzhnogo Urala*. 1982.

Рецензенты:

Будниченко Л.А., д.ф.н., профессор кафедры электронных средств массовой информации и рекламы, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары;

Мышкина А.Ф., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой культурологии и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары.

Работа поступила в редакцию 03.06.2013.